

УДК 82.09

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ И РЕАЛЬНОЕ В РОМАНЕ Ю. ЯКОВЛЕВОЙ «ДЕТИ ВОРОНА»

© Долгова Д.Г., Гарбузинская Ю.Р.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

e-mail: dolgova.daria2013@gmail.com

Фантастическое и реальное в повести Ю. Яковлевой «Дети ворона» находятся в сложном взаимодействии. В работе мы сфокусировались на мотиве перехода из одной реальности в другую, выраженном в изменении хронотопа произведения и изменении героя, осуществившего переход во времени и пространстве. Цель исследования состоит в систематизации событий перехода как способов трансформации реальности. Материалом для анализа послужила первая книга цикла «Ленинградские сказки» – «Дети ворона», написанная Ю. Яковлевой.

Под мотивом перехода мы будем понимать повторяющееся на сюжетном уровне событие изменения хронотопа, в котором пребывает главный герой. Нам было необходимо выделить события перехода на уровне хронотопа, чтобы понять, какие из них формируют мотив (т. е. повторяются и обладают устойчивой семантикой), а какие нет.

Мы выделили следующие события перехода:

- из дома на улицы Ленинграда;
- в Серый дом в первый раз;
- в «Ленинград с другой стороны»;
- в Серый дом во второй раз;
- в семью тети Веры.

Шурка, главный герой, переходит из пространства родного хронотопа дома, семьи, из «своего» мира на улицы Ленинграда, затем в Серый дом, в «чужое», страшное пространство, полное фантастических черт, затем в «Ленинград с другой стороны», своего рода пространство получения волшебных сил, снова в Серый дом и, наконец, в пространство знакомое Шурке, в семью тети Лены. Как замечает исследователь мотива пересечения границы И.В. Мотеюнайте, «непременная составляющая мотива – травматичность перехода границы» [1], мы обнаруживаем эту черту и в романе Ю. Яковлевой: для Шурки переход границы всегда оказывается опасен, он теряет себя, оказывается бесправным, лишенным сил и смысла.

Сюжет романа иносказательно описывает ситуацию сталинских репрессий: родителей Шурки и Тани, «забирает Черный Ворон», поэтому их выселяют и из коммунальной комнаты, в которой они все вместе жили. После того как Шурка и Таня два дня бегали по Ленинграду в поисках информации о том, куда отнес Ворон их папу, маму и малолетнего Бобку (брата), Шурка и Таня понимают: Ворон их настигает. И тогда Шурка, будто интуитивно, закрывает сестру в одной из парадных Ленинграда и идет навстречу Ворону один, точно убежденный, что «Ворон сам меня к ним от несет».

Ворон действительно относит его в иное место – в детский дом. Заметим, что «услугами» птицы, по В.Я. Проппу [2], пользуются многие сказочные герои, стремящиеся попасть в другое пространство. Хронотоп детского дома устроен иначе, чем ленинградский. Конечно, здесь «сказочный мир» сильно трансформирован в мир реального детского дома, однако у него есть общие черты с миром мертвых и особенности пространства, трансформирующие реальность. Например, Шурка в Сером доме подвергается поистине сказочным изменениям – ему дают новое имя – Сталюд.

Кроме того, мы почти никогда не можем понять, в какое время суток происходит действие, дни сливаются в один бесконечный. Семантически нагруженным оказывается и незнание правил хронотопа Ворона: когда мальчик спрашивает новую знакомую, не хочет ли она сбежать вместе с ним, вдруг в стене появляются уши или глаза, что свидетельствует о постоянном, inferнальном, наблюдении за Шуркой.

Наконец Шурка через дверь (и с помощью «сказочного» помощника) выбирается в «Ленинград с другой стороны». Этот Ленинград – не враждебное, но безразличное к детям пространство, время здесь течет своим чередом, Шурку снова переименовывают, теперь его имя – номер в очереди передать письмо для заключенного. Но никто так и не называет его «номером пятьсот восемнадцатым», большинство людей игнорируют его. «Ленинград с другой стороны» содержит в себе как «свое» пространство («*Надо же, удивился Шурка: похоже, здесь от мечали советские праздники*»), так и «чужое», это пограничный пункт, в котором Шурке, как настоящему шаману, приходится прозреть.

Когда до мальчика доходит весь ужасный смысл репрессий, он физически меняется: избавляется от серых фантастических существ с огромным ртом, которые сидели внутри него. Это один из самых заметных образов трансформации реальности в романе: эти серые существа – обманы и трусость, нежелание видеть реальность. Теперь Шурка избавлен от них.

Шурка снова идет на отчаянный шаг – отправляется в детский дом. Теперь на его стороне есть преимущество: он знает о правилах в мире Ворона. Так совершается еще один физический переход героя из хронотопа Ленинграда в хронотоп Ворона. Снова в стенах при резких движениях Шурки появляются глаза, но он знает, что с ними нужно вести себя аккуратно, чтобы тебя не заметили. И рассказывает Бобке, как нужно себя вести в мире Ворона: «*Эт о т акой сон, где надо идт и очень т ихо*». Снова читатель не может понять, сколько же времени провел в этом доме Шурка, он залезает в окно ночью, а сбегает по ступенькам вниз, к самому кабинету бюрократа, уже днем, о чем свидетельствует серое светлое небо Ленинграда. Ступени лестницы фантастически возникают из воздуха и тут же растворяются под героем, не давая пройти ни одному преследующему их ребенку: «*Несколько серых фигурок ринулись прямо за ними. Но едва не сорвались*».

Таким образом, мы делаем вывод, что все выделенные нами события перехода семантически нагружены и повторяются на разных уровнях произведения, значит, мы можем считать их мотивами. Отличительной чертой мотива перехода на уровне хронотопа в романе Ю. Яковлевой «Дети ворона» является не только травматичность, но и фантастичность, которая связана с тем фактом, что книга предназначена для детей и поднимает сложные и противоречивые исторические темы, через фантастику находя способ аллегорично передать ужасы времен репрессий.

Библиографический список

1. Мотеюнайте И.В. Мотив пересечения границы в прозе первой волны русской эмиграции // Культурный ландшафт Пограничья: прошлое, настоящее, будущее: сб. материалов Международных науч. конф. 2013 г. в Риге и Пскове. Псков: ПсковГУ, 2015. С. 32.
2. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 286 с.